

DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.008

УДК 94(470)"19" (091)

ББК 63.3(2)531-422

Ж.А. УТИУЛИЕВ

**ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ
МАЛИНОВСКОГО ПОГРОМА
И КОНТРПОГРОМА 1905 ГОДА
В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

ZH.A. UTIULIEV

**THE NATURE AND FEATURES
OF THE MALINOVSKY POGROM
AND COUNTER POGROM OF 1905
IN THE SARATOV PROVINCE**

В статье исследуются причины, характер и последствия масштабного и трагичного эпизода крестьянского движения в Сердобском уезде Саратовской губернии в октябре 1905 г., известного как Малиновский погром. Автор впервые предлагает рассматривать это событие как два взаимосвязанных и взаимообусловленных противоправных эксцесса — погром и контрпогром. Придерживаясь данной концепции, автор проводит их сравнительно-исторический анализ, выявляя общее и особенное в погроме и контрпогроме. В статье акцентируется внимание на организации погрома в Малиновке и окрестных селах революционными партиями и вовлечение в него сельской бедноты с одной стороны, и спонтанного отчаянного выступления местных крестьян, мотивированных прекращением разгромов частновладельческих хозяйств, а также защитой традиционных общинных ценностей — с другой.

The article examines the causes, nature and consequences of a large-scale and tragic episode of the peasant movement in the Serdobsky district of the Saratov province in October 1905, known as the Malinovsky pogrom. For the first time, the author proposes to consider this event as two interrelated and mutually conditioned illegal excesses — pogrom and counter-pogrom. Adhering to this concept, the author conducts their comparative historical analysis, revealing the common and special in the pogrom and counter-pogrom. The article focuses on the organization of the pogrom in Malinovka and surrounding villages by revolutionary parties and the involvement of the rural poor people in it on the one hand, and the spontaneous desperate action of local peasants motivated by the cessation of the defeats of private farms, as well as the protection of traditional community values, on the other hand.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Малиновский погром, контрпогром, девальвация традиционных ценностей, революционная пропаганда, черносотенство

KEY WORDS: Malinovsky pogrom, counter-pogrom, devaluation of traditional values, revolutionary propaganda, Black Hundreds

ВВЕДЕНИЕ. Начиная с 1901 г., в Саратовской губернии ежегодно то в одном, то в другом месте поочередно проявлялись эксцессы т.н. аграрного движения, выражавшиеся в крайне опасных противоправных формах. В 1903-1904 гг. на Сердобский уезд пришелся пик крестьянских выступлений, которые впоследствии перманентно перешли в 1905 г., когда крестьянское брожение, подогретое провокационными революционными спекуляциями на трагедии «Кровавого воскресенья», разгорается с новой еще более внушительной силой и достигает своего апогея к октябрю этого же года. Главной формой

крестьянского движения в этот период являлись разгромы и поджоги частновладельческих усадеб и экономий. Наряду с этим сопутствующими видами аграрного движения становились разграбление имущества жертв погрома, увоз зерна, захват и раздел помещичьих земель, а вот такие противоправные действия, как потрава посевов и лугов, самовольные покосы и порубка леса, незаконная рыбная ловля, также как и в предшествующий период (1901–1904 гг.) играли второстепенную роль.

В начале двадцатого столетия специалисты различных научных отраслей Императорского вольного экономического общества (далее — ИВЭО) ежегодно проводили мониторинг динамики и характер развития аграрного движения в России и по итогу выпускали фундаментальные аналитические обзоры по этой проблеме. В частности, при изучении аграрного движения в 1905–1906 гг., основываясь на большом массиве конкретных данных из разных мест Саратовской губернии, учеными ИВЭО в качестве центров погромного движения выделялись Балашовский, Аткарский, Петровский, Сердобский, Кузнецкий и Саратовский уезды, и при этом ими был сделан вывод о том, что «Во всех уездах оно совершалось всегда по одному и тому же типу. Задолго до движения начинались разговоры “об уравнивании земли”, “о революции”, “о борьбе за право”. <...> Иногда в это время приезжали “неизвестные”, которые брали на себя руководство движением» [2, с. 132].

Универсальная схема погромного движения, выведенная на основе эмпирических материалов учеными ИВЭО, судя по многочисленным свидетельствам и документам, в частности, материалам судебных процессов по делам о погромах, «работала» повсеместно и на всем временном отрезке крестьянских беспорядков 1905–1907 гг. Однако один их эпизодов периода «погромных иллюминаций» выделяется нестандартным, с точки зрения «схемы разгрома», развитием событий. Речь идет о прогремевшей на всю страну «Малиновской» трагедии, известной также, как «Малиновский погром», «Малиновское восстание», «Малиновское дело», или даже «Малиновская Варфоломеевская ночь». Специфичность этого экстраординарного события заключается в том, что традиционный крестьянский погром трансформировался, или вернее, финализировался, черносотенным контрпогромом.

Осмыслению такого трагичного и выбивающегося из привычной схемы крестьянских беспорядков явления, как «Малиновский погром» посвящен целый ряд публицистических работ и исследований, которые впервые появились буквально по «горячим следам» трагедии. Причем изучение причин и природы малиновских событий непосредственно сопряжено с историографией черносотенного движения, т.к. «Малиновский погром» позиционируется именно как черносотенный. С самого начала в разработке этой проблемы определились три направления, которые можно условно обозначить следующим образом: апологетическое — оправдывавшее действия усмирителей крестьян-погромщиков, формально-объективное — базирующееся на анализе причинно-следственных связей и сопоставлении количества жертв, морального и материального ущерба, а также обвинительное — осуждающее крестьян, устроивших самосуд над односельчанами. Однако историография собственно «Малиновского погрома» крайне ограничена.

К первому направлению можно отнести небольшое количество работ досоветского периода (в основном публицистического характера), как, например, очевидца этих трагических событий И. Симонова [12], а также труды представителей зарубежной историографии и ученых постсоветской эпохи, таких как Х. Роджера [13], В. Острецова [9] и В. Кожина [5]. Второе направление до сих пор также не получило существенного развития, и здесь можно назвать исследования Е. Рашковского [11] и А.В. Посадского [10].

Третье направление зарождалось еще в обстановке переживания «Малиновской» драмы и поначалу имело либерально-гуманистическую составляющую, однако уже тогда в партийной публицистике эсеров и социал-демократов, а затем и в советской историографии акцент смещается в сторону безапелляционных бичующих оценок, педалирующих

реакционно-монархистский, карательный характер контрпогрома. Это в основном работы советских исследователей таких, как В.М. Гохлернер [8], И.С. Авдошин и Ф.Г. Бирюков [1]. Причем последние, уроженцы этих мест – мемуарист Авдошин и литератор Бирюков в своей статье опирались исключительно на труды В.И. Ленина и одного из видных функционеров компартии В.П. Антонова-Саратовского, а также материалы дореволюционной и советской периодики, однако, не используя при этом ни одного архивного источника.

ЦЕЛЬЮ данной работы является всестороннее изучение характера, причин и особенностей Малиновских 1905 года погрома и контрпогрома, как знаковых и масштабных явлений крестьянского движения периода «первой русской революции».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для достижения цели и реализации задач исследования привлечены источники различного происхождения: делопроизводственная документация, материалы судебного процесса и периодической печати, воспоминания современников событий. Основной акцент в работе сделан на привлечении и анализе архивных документов, ранее не введенных в научный оборот.

Автор, придерживаясь проблемно-хронологического принципа, применял в своей работе традиционные методы исторического исследования: сравнительно-исторический метод, причинно-следственный анализ связей между историческими событиями, типологизация исторических явлений, историко-системный анализ, структурно-диахронный анализ исторических процессов и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.

В работах советских авторов, а также в публицистике и мемуарной литературе тех лет при описании событий в Малиновке упор делается на хронике и жертвах контрпогрома, но при этом предшествовавший ему и, по сути, спровоцировавший его крестьянский погром или замалчивается, или преподносится как справедливое и безобидное «изъятие» частновладельческой собственности у «эксплуататоров» обездоленной крестьянской беднотой. И.С. Авдошин и Ф.Г. Бирюков в своей публикации поставили перед собой задачу объяснить «подлинные причины и дать читателям более точное представление об этом черносотенном погроме» [1, с. 205.]. Очевидно поэтому большую часть своей работы они посвятили оправданию погрома, который учинили деревенские люмпены. С этой целью авторы подробно и, неизменно, с марксистско-ленинских позиций перечисляют все несчастья и трудности сельской бедноты, вызванные классовым врагом — ненавидимыми помещиками, кулаками и купцами. Среди этих бед они называли: малоземелье, плохое качество земли, низкую урожайность, отсутствие пастбищ, высокую плату за аренду земли и церковные требы, мирские повинности (налоги), сюда же они относили и неурожайные голодные 1901-1902, 1904-1905 годы, объективно вызванные неблагоприятными погодными условиями и непопулярную русско-японскую войну. Подытоживая перечень проблем местной бедноты, Авдошин и Бирюков делали вывод: «Разорение, нищета, бескормица, поражавшая скот, довели Малиновских крестьян до отчаяния» [Там же].

Драматические события в 1905 г. охватили густонаселенную и развитую сельскую агломерацию, состоявшую из нескольких крупных сел: Борки, Ерышовка, Змеевка, Крутец, Малиновка и Уваровка. На момент описываемых событий в Малиновке было более 300 дворов, из них 20, по утверждению Авдошина и Бирюкова — были кулацкие [Там же]. Антагонизм между зажиточными и бедняками отразился и на географии села: в западной его части проживали кулаки и середняки, а в восточной — сельская беднота. Именно эту часть Малиновки облюбовали эсеровские пропагандисты и она стала рассадником антипомещичьих и антиправительственных настроений. «В восточной же стороне с 1900 г. начали поселяться революционно настроенные крестьяне, — уточняют И.С. Авдошин и Ф.Г. Бирюков, — первым из них был Ф.М. Суворов — “Фома Неверный”, как прозвали его за решительный атеизм» [1, с. 206.].

Второй маргинальный персонаж, ставший фактически лидером местных санкюлотов — это демобилизованный и распропагандированный солдат Ф.Е. Синева. «Деморализованному и разложившемуся в маньчжурских окопах позорной войны солдату, напичканному социал-революционными и большевистскими штампами казарменных агитаторов, удалось то, чего не смогли сделать культурные и образованные интеллигенты-народники своим “хождением в народ”, — приходит к выводу Ю.В. Варфоломеев, — подорвать веру в царя, растоптать престиж местного попа и довести ненависть к своему помещику до последней черты <...> через него агрессивные, радикальные идеи проникают в деревню, разрушают патриархальные традиции, подтачивая вековые устои православия и самодержавия» [4, с. 87.]

Таким образом два маргинальных и решительно настроенных деревенских деятеля — «Фома Неверный» и бунтарь Синева стали вожаками малиновской бедноты. Из года в год они собирали вокруг себя все большее число недовольных своим положением бедствующих крестьян и планомерно внушали им идеи безбожия, ненависть к успешным и зажиточным землякам, подрывали веру в царя и, наконец, стали открыто призывать крестьян к восстанию. Обобщая подобные методы и природу разрушения традиционного крестьянского массового сознания, профессор Варфоломеев констатирует: «Наглядной иллюстрацией деструкции традиционных моделей крестьянского сознания может служить “синевский” синдром» [4, с. 87.]

Выступление идейно обработанной и взвинченной подстрекательскими призывами крестьянской толпы становилось вопросом времени. При этом сформировался своеобразный штаб будущего крестьянского восстания, что являлось важным условием руководства и определения политической направленности погромных акций крестьян. Авдошин и Бирюков отмечают: «сложилось ядро своеобразной сельской организации. Она постепенно росла. К ней присоединились Н. Пучков, А. Панкрашкин, Петр и Нил Горины, Иона и Тихон Потрясовы, М. Талалайкин, Герасим и Федор Корявовы, А. Ершов, М. Лысиков, Иван и Павел Серебряковы, П. Литовкин, И. Манухин, Г. Макеев, И. Шубенин. По малиновскому примеру возникли группы и в окрестных селах — Каменке, Драгуновке, Змеевке, Песковатке. Они поддерживали тесную связь с революционерами в большом соседнем селе Крутце и на станции Салтыковке» [1, с. 206.]

В октябре 1905 г., на волне развернувшихся по всей губернии крестьянских беспорядков, малиновский вождь Ф.Е. Синева, согласовав начало выступления и получив одобрение и команду ртищевского партийного руководства, дал сигнал односельчанам к началу разгрома и разграбления богатых частновладельческих хозяйств. С этой целью был составлен план действий. Было решено собрать всех лошадей и телеги, имевшиеся у крестьян и отправиться на них «изымать» хлеб у богачей. Всего для вывоза зерна было подготовлено 250 подвод, и 26 октября 1905 г. эта вереница пустых телег выдвинулась для загрузки чужим хлебом. По дороге они заехали к местному священнику за благословением, но тот безуспешно попытался отговорить от этой затеи и образумить погромщиков.

Первым в списке «реквизиции» значился купец М.Г. Сусанов, в имени которого грабители, по их собственному признанию «принялись за тщательную выгрузку хлеба» [1, с. 206.]. Однако загруженных таким образом 150 подвод из 250 пригнанных, им показалось мало, и они отправились «догружаться» в имения землевладельцев Г. Бок и Ф.Я. Дружинина. На этот раз у крестьян было уже 500 подвод и все они благополучно загрузились награбленным зерном, а так как хлеб еще оставался, то они вывезли его на подводах владельцев имений. Расхитители даже не ожидали стать обладателями такого огромного количества преступной добычи, и «по приезде восвосяи мы разделили хлеб, нами приобретенный, “всем поровну”» [Там же], — с удовлетворением отметили грабители.

В течении последующих дней бесчинства, грабежи и поджоги «революционного» крестьянства охватили несколько сел Сердобского уезда. Всего за эти дни было разграблены

и сожжены десятки частновладельческих усадеб. За страшными, хотя внешне и сухими цифрами погромной статистики беспощадного крестьянского бунта скрываются весьма показательные факты их бесчинств и злодеяний, которые наглядно отображены в материалах следствия. В частности, удалось выяснить, что группа крестьян — А.Е. Галишников, Е.М. Суворов, Ф.Е. Поверенов и др. (всего 14 человек) принимали активное участие в разгромах усадеб, будучи руководителями толпы. Они же грабили имущество духовенства. При этом не скрывали сожаления в том, «не успели разграбить волостное правление и сжечь школу, питая надежду привести в исполнение свое намерение весной, <...> а Петр Баронин подстрекал к убийству помещиков и духовенства» [6, л. 24–25]. В погромной вакханалии отличались и женщины. Так, крестьянка Агафья Шатаева не только грабила имущество наравне с мужчинами, но, и глумилась над духовенством, когда горели их дома, и при этом называла себя Богородицей [6, л. 25].

В рапорте Сердобского уездного исправника Саратовскому губернатору П.А. Столыпину приводились подробности противоправных действий буйствовавшей крестьянской толпы. Так, по свидетельству исправника, крестьяне М.И. Хомяков и В.Н. Хомяков, в то время, «когда горели дома духовенства, они с хохотом разъезжали около пожара на разграбленных лошадях, запряженных в помещичьи экипажи и демонстративно от огня пожара зажигали папироски» [6, л. 24]. В рапорте также было обращено внимание на особую жестокость и демонстративное насилие, свойственные погромщикам, которые «при разгроме имений отличались бессердечием, резали и увечили без всякой пользы для себя скотину, уничтожали имущество» [6, л. 24]. Эти факты еще раз подтверждают вывод Ю.В. Варфоломеева и Л.Н. Шумиловой о том, что «характерным признаком рассмотренных крестьянских погромов является высокая степень агрессии, беспощадность и бессмысленная жестокость» [3, с. 145.].

Между тем, крестьяне, участвовавшие в разгромах, наметили для себя и будущие жертвы, а именно тех односельчан, которые не присоединились к их восстанию, и грозили весной возобновить погромы и поджоги еще в большем размере, а также «обещали мстить всем несочувствующим» [6, л. 25]. Об этих зловещих планах, конечно, знали жители Малиновки и окрестных деревень, которые выступали против подобного насилия, грабежей, глумления над православной Церковью и забвения традиционных общинных ценностей. Именно в этой среде крестьянства сложилось твердое убеждение в необходимости остановить глубоко аморальную и разнузданную часть своих односельчан, устроивших погромный беспредел. К тому же, не дожидаясь весны, радикалы-погромщики стали наказывать «несочувствующих» им односельчан, чем еще больше раздували конфликт. Постепенно их угрозы начали приводиться в исполнение: в строениях крестьян появились пожары, особенно участвовавшие к осени 1905 г. Ситуация стала настолько угрожающей, что по свидетельству Григория Голишкова, «многие по ночам не спали и караулили свои дома, боясь поджогов» [7, л. 70]. Вражда между погромщиками-подстрекателями и остальной частью населения Малиновки обострилась до предела и стала взрывоопасной. Очевидно, терпение большей части крестьян, наблюдавших за страшными событиями, подошло к концу, и не уповая на меры властей, которые в обстановке разгула крестьянских беспорядков в губернии не успевали наводить порядок, они решили сами подавить местную смуту и наказать виновников опасных и вызывающих злодеяний.

Итак, утром 28 октября 1905 г. начался контрпогром, во главе которого стал представитель местной власти волостной старшина В.С. Панкрашкин. Большая группа крестьян из Малиновки и соседних с ней сел в количестве более 60 человек, доведенная до отчаянная разгулом, приукрашенного революционными лозунгами, крестьянского бандитизма, в течении дня отлавливалась в различных частях села и в его окрестностях наиболее отличившихся бесчинствами погромщиков. Попавшие под «горячую руку» смутьяны,

как правило, получали тяжелые увечья, или были даже убиты. Итог этого отчаянного и жестокого выступления беспристрастно и точно описан в обвинительном акте: «В конце октября 1905 года, в с. Малиновке Сердобского уезда, Саратовской губернии, собравшаяся из нескольких соседних деревень многочисленная толпа подвергла избиению некоторых своих односельчан, а затем разгромила их избы; по окончании побоища, на улицах села Малиновки и в ближайших окрестностях было найдено сорок два трупа с огнестрельными ранами и другими повреждениями» [7, л. 69].

Выводы. Малиновский контрпогром и в публицистике, и в большинстве исследований определяется как «черносотенный». Хотя никаких фактов доказывающих, что он был организован какой-либо черносотенной организацией, или то, что его руководителями и активными участниками были черносотенцы (в формальном отношении), на данный момент не существует. Определение контрпогрома как «черносотенного» берет начало из эсеровской и эсдековской партийной пропаганды и публицистики, но не имеет под собой научного обоснования. Контрпогром, безусловно, преследовал цель защиты существующего порядка, и носил антиреволюционный, антидеструктивный характер, направленный против тех, кто пытался насильственными противоправными действиями нарушить привычный уклад жизни крестьянского сообщества и разрушить его традиционные ценности. В этом смысле идеология участников контрпогрома коррелируется и даже совпадает с идеологией черносотенства, однако формального и непосредственного руководства со стороны этих организаций в контрпогроме не просматривается.

С правовой точки зрения Малиновский контрпогром представляет собой самосуд, однако его первопричиной и побудительным мотивом являются спровоцировавшие его крайне опасные антиобщественные преступные деяния крестьян, произведших по предварительному сговору вызывающие масштабные разграбления, разгромы и поджоги частновладельческих хозяйств. Причинами, толкнувшими часть местных крестьян на самосуд являлись: во-первых, понимание того, что власти не смогут своевременно (по объективным причинам) и в полном объеме подавить погромное движение в Сердобском уезде.

Во-вторых, контрпогром носил не только ответный, но и упреждающий характер, так как погромщики угрожали расправой местным жителям, не поддержавших их преступные действия, и уже начали терроризировать их поджогами домовладений.

В-третьих, цинично антиправославный, демонстративно аморальный, бесчеловечный характер погромных действий бунтовщиков вынуждал односельчан противодействовать этому движению и остановить этот беспредел. Следует согласиться с утверждением, что «погромы, сопровождавшиеся популярными лозунгами о справедливом распределении земли и равенстве, носили, на самом деле, псевдореволюционный, ярко выраженный общеуголовный характер» [3, с. 145].

Таким образом, самосуд контрпогрома — это совместные действия части сельского населения Малиновки и окрестных сел против деструктивных и преступных действий деморализованных и маргинализованных местных люмпенов. Контрпогром по своей природе — акт возмездия и наказания по нормам обычного права крестьян-погромщиков за их преступные деяния и разрушение основ и ценностей патриархальной общинной жизни. Девальвация традиционных ценностей приводила к делинквентному изменению массового сознания крестьянства, когда «обнаруживается его деструктивный настрой, проявляющийся в агрессивном поведении и совершении различных противоправных действий» [4, с. 84.]. Причем крайняя жестокость, беспощадность, безумная жажда мести проявлялись как в действиях погромщиков-маргиналов, так и контрпогромщиков, им противоборствовавшим. Однако действия последних, хотя и были противоправными, но были направлены на то, чтобы остановить вакханалию насилия, грабежей и поджогов, и одновременно с этим наказать погромщиков своим крестьянским самосудом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдошин И.С., Бирюков Ф.Г. Малиновский погром // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 205–213.
2. Аграрное движение в России в 1905–1906 гг.: Обзоры по районам: Б.Б. Веселовского, В.С. Голубева, В.Г. Громана [и др.]. Ч. 2. / 3 Отд-ние Имп. Вольн. экон. о-ва. Санкт-Петербург: тип. «Обществ. Польза», 1908. 545 с.
3. Варфоломеев Ю.В., Шумилова Л.Н. Погромные «иллюминации»: особенности и характер крестьянских беспорядков в Саратовской губернии в 1905 году (по материалам судебных процессов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3(78). С. 135–145.
4. Варфоломеев Ю.В., Варфоломеев А.Ю. Количественные и качественные изменения в структуре государственных преступлений в начале XX века (по материалам Саратовской судебной палаты и окружного суда) // Базис. 2023. № 1(13). С. 83–91.
5. Кожин В. «Черносотенцы» и Революция: (Загадочные страницы истории). М.: Междунар. обществ. фонд содействия правосл. культуре св. благовер. князя Александра Невского, 1998. 228 с.
6. Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7126.
7. ГАСО. Ф. 53. Оп. 7. Д. 408.
8. Гохлернер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 219–245.
9. Острецов В. Черная сотня и красная сотня: (Правда о Союзе русского народа). М.: Воениздат: Воен.-патриот. лит. об-ние «Отечество», 1991. 48 с.
10. Посадский А.В. Черная сотня в Саратовской деревне в 1905–1916 годах // Отечественная история. 2007. № 1. С. 134–142.
11. Рашковский Е. Вопросы социальной психологии изучения реакционной массы // «Массовая культура» — иллюзии и действительность. 1975. С. 52–82.
12. Симонов И. Страничка из истории нашей смуты. Малиновское дело // Исторический вестник. 1908. № 5. С. 550–557.
13. Rogger H. The Formation of Russian Right: 1900–1906. In California Slavic Studies. Vol. 3. Berkley-Los Angeles, 1964. P. 188–211.

REFERENCES

1. Avdoshin I.S., Biryukov F.G. *Malinovskij pogrom* [Malinovskiy pogrom] // *Voprosy istorii*. 1969. № 3. S. 205–213. (In Russian)
2. *Agrarnoe dvizhenie v Rossii v 1905–1906 gg.: Obzory po rajonom* [Agrarian movement in Russia in 1905–1906: Reviews by districts]: B.B. Veselovskogo, V.S. Golubeva, V.G. Gromana [i dr.]. CH. 2 / 3 Otd-nie Imp. Vol'n. ekon. o-va. — Sankt-Peterburg: tip. «Obshchestv. Pol'za», 1908. 545 s. (In Russian)
3. Varfolomeev Yu. V., Shumilova L. N. *Pogromnye «illyuminacii»: osobennosti i harakter krest'yanskih besporyadkov v Saratovskoj gubernii v 1905 godu (po materialam sudebnyh processov)* [Pogrom “illuminations”: features and character of peasant riots in the Saratov province in 1905 (based on the materials of the trials)] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. № 3(78). S. 135–145. (In Russian)
4. Varfolomeev Yu. V., Varfolomeev A. Yu. *Kolichestvennye i kachestvennye izmeneniya v strukture gosudarstvennyh prestuplenij v nachale XX veka (po materialam Saratovskoj sudebnoj palaty i okružnogo suda)* [Quantitative and qualitative changes in the structure of state crimes at the beginning of the XX century (based on the materials of the Saratov Judicial Chamber and the District Court)] // *Bazis*. 2023. № 1(13). S. 83–91. (In Russian)
5. Kozhinov V. *«Chernosotency» i Revolyuciya: (Zagadochnie stranicy istorii)* [The “Black Hundreds” and the Revolution: (Mysterious pages of history)] М.: Mezhdunar. obshchestv. fond sodejstviya pravosl. kul'ture sv. blagover. knyazya Aleksandra Nevskogo, 1998. 228 s. (In Russian)

6. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (dalee — GASO). F. 1. Op. 1. D. 7126. (In Russian)
7. GASO. F. 53. Op. 7. D. 408. (In Russian)
8. Gohlemer V.M. *Krest'yanskoe dvizhenie v Saratovskoj gubernii v gody pervoj russkoj revolyucii* [Peasant movement in Saratov Province during the First Russian Revolution] // *Istoricheskie zapiski*. 1955. T. 52. S. 219-245. (In Russian)
9. Ostrecov V. *Chernaya sotnya i krasnaya sotnya: (Pravda o Soyuze russkogo naroda)* [Black Hundred and Red Hundred: (The Truth about the Union of the Russian People)]. M.: Voenizdat: Voen.-patriot. lit. ob-nie «Otechestvo», 1991. 48 s. (In Russian)
10. Posadskij A.V. *Chernaya sotnya v Saratovskoj derevne v 1905-1916 godah* [The Black Hundred in the Saratov village in 1905-1916] // *Otechestvennaya istoriya*. 2007. № 1. S. 134-142. (In Russian)
11. Rashkovskij E. *Voprosy social'noj psihologii izucheniya reakcionnoj massy* [Questions of social psychology of the study of the reactionary mass] // «Massovaya kul'tura» — illyuzii i dejstvitel'nost'. 1975. S. 52-82. (In Russian)
12. Simonov I. *Stranichka iz istorii nashej smuty. Malinovskoe delo* [A page from the history of our troubles. Malinovsky case] // *Istoricheskij vestnik*. 1908. № 5. S. 550-557. (In Russian)
13. Rogger H. *The Formation of Russian Right: 1900-1906*. In *California Slavic Studies*. Vol. 3. Berkley-Los Angeles, 1964. P. 188-211. (In English)